

Г.Г. Литаврин

ВИЗАНТИЙСКАЯ ЗНАТЬ (ДИНАТЫ) ПЕРЕД ВЫСШИМ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИМ СУДОМ (X – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XI в.). ИЗ КОММЕНТАРИЯ К “ПИРЕ” ЕВСТАФИЯ РОМЕЯ

Одной из наиболее острых проблем, осложнявших в течение почти столетия (920-е–1020-е годы) отношения значительной части крупной византийской знати с высшей (императорской) властью, была в сущности борьбой за выбор путей экономического и социального развития империи. Центральная власть и высшее чиновничество стремились удержать традиционные формы эксплуатации населения (прежде всего землевладельцев-общинников), подвергая их налоговым взысканиям и привлекая к службе в фемном (провинциальном) ополчении. Землевладельческая (в основном военная) аристократия (*динаты*) вела борьбу за увеличение своей земельной собственности и численности зависимого от нее крестьянства. Императоры Македонской династии (867–1056) издали серию новелл в защиту общинного землевладения, поскольку наступление на него динатов отрицательно отражалось на состоянии казны и военных сил государства. Перипетии этой борьбы сыграли судьбоносную роль в истории империи.

Составление текста новелл поручалось выдающимся интеллектуалам-литераторам той эпохи. Пышная риторика и многократные обращения к высшим силам не могут скрыть чувства тревоги за положение дел в империи и за ее будущее; во многих строках текста новелл звучат панические ноты: императоры открыто признавались в своем бессилии изменить опасный ход событий. В недавно вышедшей в свет трехтомной экономической (и социальной) истории Византии подведены итоги изучения данной проблемы в течение по крайней мере последнего полувека в целом и поставленной в данной статье проблемы в частности¹. Общая концепция трехтомника не слишком отличается (кроме терминологических особенностей) от основных положений, которые отстаивались и в современной российской (как и в недавней советской) научной литературе. Текст труда во многих местах дает основания полагать, что эта литература известна авторам трехтомника гораздо лучше, чем они на этот счет заявляют (ссылки на “русских” в основном формальны и сведены в труде к минимуму).

---

¹ The Economic History of Byzantium. From the Seventh through to the Fifteenth Century / Ed. A.E. Laiou. Vol. 1–3. Washington (D.C.), 2002 (Dumbarton Oaks Studies, 39).

Этот труд (а он останется на Западе, по-видимому, надолго главным авторитетным исследованием по византийской экономике), конечно, не закрывает проблему. Дальнейший прогресс в изучении темы осложнен, однако, ограниченностью давно известного фонда источников, на которых бесчисленное число раз основывались и вынуждены основываться исследователи. На этом фоне широкое признание нашла в научных кругах мысль о том, что дальнейшие успехи в изучении социально-экономической истории Византии возможны на путях совершенствования методологии научного поиска и систематического исследования права собственности в Византии – как постоянно действующего регулятора общественных отношений на всей территории империи. Между тем эта область византиноведения давно не является приоритетной в мировой науке.

Для X–XI вв. первое место среди источников о характере и видах земельной собственности в Византии принадлежит, безусловно, новеллам императоров Македонской династии. Памятники эти достаточно изучены. Поэтому остановимся на них предельно кратко.

Согласно уже первой “антидинатской” новелле Романа I Лакапина от 928 г., динаты приобретали общинные земли не только путем торговых сделок с крестьянами, но нередко принуждали их к этому силой, причиняя “не только материальный ущерб, но и телесный вред”². Динаты являлись в деревни с “толпой рабов, наемников и слуг, и совершаемые ими насилия, – сказано в новелле, – могут повлечь за собой – по мнению людей, способных вникать в дело... гибель для общества³, так как именно крестьяне обеспечивают государству два важнейших блага: наполнение казны через уплату налогов и боеспособность военных сил – благодаря службе в ополчении”⁴.

В 934 г. Роман I повелел “всем, располагающим политической силой” (т.е. важным должностным лицам), пресечь бесчинства динатов⁵. С недавних пор, говорит император, “во всех находящихся под нашей властью областях выносятся приговоры и ведутся процессы с целью прекращения коварства и жадности динатов”⁶. Судьям было велено, если они не хотят сами оказаться под судом, действовать с благосклонностью к бедным и к “сельскому единству” (πρὸς τὸ ὁμόφωνον)⁷. Однако уже Константин VII в 947 г. заявлял, что приговоры судей несправедливы, что они выносят их против своей воли в пользу динатов под их давлением⁸. Василий II, правнук Романа I, внушал судьям, что когда динат внедряется в деревенское сообщество, он вместе с имуществом приобретает там также власть и лишает бедняка возможности возбудить против него процесс⁹. Константин VII повелел предавать свои указы против насилий динатов широкой гласности, а именно “прочитать в фемах

² Zvoronos N. Les Nouvelles des Empereurs Maceédoniens concernant la terre et les stratiotes: Introduction – édition – commentaires. Athènes, 1994. P. 66.56.

³ Ibid. P. 85.63–69. О том же см.: Practica ex actis Eustathii Romani // Jus Graeco-Romanum / Ed. Zachariae a Lingenthal. Vol. I. Lipsiae, 1856. (Далее: Practica). XLII, 17.

⁴ Zvoronos N. Les nouvelles... P. 85.69–71 (ср. 82.15–23).

⁵ Ibid. P. 85.72–74.

⁶ Ibid. P. 82.23–83.27.

⁷ Ibid. P. 87.67–69, 119–123.

⁸ Ibid. P. 99.22–24.

⁹ Ibid. P. 200.29–32, 36–37.

наш указ всем людям, начиная с динатов и кончая последним жителем”¹⁰. (Императорские указы оглашались обычно в церквях: новеллы были явно рассчитаны на эмоциональное воздействие на толпу слушателей.) Василий II открыто взывал в 996 г. к общественности, призывая ее помочь высшей власти в ее борьбе с динатами, чтобы люди, “будучи осведомлены, не содействовали им, чтобы захваченное ими чужое отнималось не только у них, но и у их детей”¹¹. Император говорил, что он наслышан отовсюду о том, что в феме Фракисии динаты и высшие должностные лица пренебрегают царскими приказами, что он весьма удручен бесчинствами, которые творят динаты против бедных, так как “видел это собственными глазами, проходя по фемам нашего царства при отправлении в походы”¹²... Посему царственность наша, вняв жалобам бедных, разрушила до основания несправедливо воздвигнутые дома, поражающие богатством, и все относящееся к ним отдала бедным”¹³.

Динаты рисковали подделывать даже императорские грамоты (хрисовулы): они составляли их сами, а подкупленные чиновники (“асикриты”¹⁴) вписывали имена псевдособственников имений в фальшивые документы, причем они не бывали на местах и не проверяли обмера владений¹⁵. “Наша царственность убедилась, – продолжает Василий II, – что и эпопты (контролеры. – Г.Л.) и люди, в иной роли представляющие царство и посылаемые ради службы, измышляют против казны мириады подлогов и мало находится [среди них] исполнителей наших распоряжений”¹⁶.

Отчаявшись, Василий II в поисках средств, способных укротить динатов, отменил “древний закон – не предавать смерти за преступления обладателей титулов и важных должностей, но только лишать их чести (ἀτιμοῦσθαι)” – и восстановил и для них смертную казнь¹⁷. Однако несмотря на широкие судебные преследования и конфискации при Василии II, этот император признал, по сути дела, поражение центральной власти в борьбе за сохранение свободного общинного крестьянства. Он стал сам усиленно конфисковывать в казну запустевшие общинные земли и создавать на них имения ведомств и канцелярий центральной власти и короны, основываемые, как и у динатов, на труде зависимых крестьян (париков). Сама казна, таким образом, становилась крупнейшим “динамом”.

Известные из новелл и из иных источников факты подобного рода неизменно анализируются исследователями практически с одними и теми же комментариями. Однако мы сделали бы уже здесь предварительный вывод о том, что привычная, неизменно утверждаемая византинистами концепция о величии и вездесущности центральной (императорской) власти в Византии в период расцвета империи в X – середине XI в., страдает существенными преувеличениями. В самой системе и столичных, и в особенности

¹⁰ Ibid. P. 103.99–100.

¹¹ Ibid. P. 200.8–13.

¹² Ibid. P. 200.20–21.

¹³ Ibid. P. 202.54–57.

¹⁴ Дворцовые редакторы императорских указов (*Oikonomidès N. Les listes de préséance byzantines de IXe et Xe siècles. P., 1972. P. 310; Zvoronos N. Les nouvelles... P. 195).*

¹⁵ *Zvoronos N. Les nouvelles... P. 208.89–94.*

¹⁶ Ibid. P. 212.180–181.

¹⁷ Ibid. P. 214.182–190.

провинциальных властных институтов коренился некий внутренний порок, препятствовавший нормальному функционированию бюрократического аппарата власти, призванного обеспечивать официально сложившийся веками правопорядок (таксис). Привычная убежденность, разделявшаяся, по-видимому, и в этот период большинством политически активных подданных, в превосходстве “божественной” империи над всеми иными государствами в христианской ойкумене и над “варварским” миром в целом находилась в разительном и далеко не осознанном ее приверженцами противоречии с реальной повседневностью в жизни населения не только провинций, но и самого Константинополя.

Справедливым, однако, и ныне заявление Н. Звороноса, тщательно изучившего новеллы императоров Македонской династии, что наука лучше осведомлена о правовых нормах, которыми центральная власть обосновывала свою политику в защиту крестьянского землевладения и ограничения крупного, чем о том “механизме”, с помощью которого она эту политику пыталась осуществлять¹⁸.

Опасность коррупции и беззакония рассматривалась высшей властью как серьезная социальная опасность и угроза таксису (сложившемуся имперскому правопорядку). Борьба с этим недугом верховная власть вела постоянно, прибегая к самым разным методам. В административной системе империи было создано особое ведомство жалоб и прошений. Был укомплектован постоянный штат ревизоров (эпоптов), столичных и фемных, ограничен до трех лет срок службы наместников провинций, которым запрещалось приобретение недвижимости в месте службы. Покупки и продажи, превышающие 500 золотых, подлежали расследованию. Адвокатам-тавуляриям запрещалось заранее договариваться с истцами и ответчиками о гонораре.

Императоры с целью инспекции совершали иногда объезды провинций. Даже во время военных походов василевс принимал жалобщиков из местных жителей (право любого из них лично просить василевса о защите было признавано законом). Василий II Болгаробойца разорял до глотки наживших богатства несправедливым путем, особо ненасытных из них он приказывал содержать в клетке и откармливать их для зверинца. Император восстановил смертную казнь для титулованных особ (она для них была давно отменена как царская милость). Однако в указах даже этого грозного императора сквозят ноты бессилия от сознания неудач в его попытках обуздать своих сановников и землевладельцев-магнатов в провинциях.

Далее мы надеемся показать, что имперский суд в системе мер, направленных на искоренение коррупции, являлся, по-видимому, одним из наиболее часто применявшихся средств борьбы за сохранение имперского таксиса, и здесь роль высшего имперского суда была первостепенной.

Чрезвычайное, на наш взгляд, значение среди источников, позволяющих судить о характере применения норм действующего права и недостаточности введенных в научный оборот, принадлежит юридическому памятнику XI в. — “Пире” Евстафия Ромея¹⁹, сборнику протоколов судебных решений и правовых сентенций высшего константинопольского судьи, деятельность которого

¹⁸ Ibid. P. 99.

¹⁹ См. прим. 3.

приходилась, примерно, на полустолетие – от середины 990-х до середины 1040-х годов²⁰. Значительную часть этого сборника, составленного коллегами и учениками Евстафия (как видно, после его смерти) занимают сокращенные протоколы судебных тяжб, рассмотренных Евстафием в качестве высшего юриста империи. Евстафий не создавал, конечно, каких-то новых законов и не вводил их. Но, как показал Н. Икономидис, он своей судейской практикой содействовал смягчению системы наказаний и некоторой “демократизации” имперского судопроизводства²¹. “Пира” позволяет, во-первых, лучше, чем любой другой источник, представить организацию и диапазон судебной активности имперского суда, а во-вторых, проверить степень соблюдения законности в судебной практике Византии того времени (“Пира” и означает на греч. “практика”)²². Около 100 статей (параграфов) сборника – это протоколы состоявшихся процессов: названы имена и титулы тяжущихся стороны, объекты тяжб и место действия, кратко описан ход следствия и приведен приговор, вынесенный Евстафием, иногда в присутствии царя и целой судебной коллегии.

Именно эти тяжбы и представляют собой неопределимые по важности живые картины повседневных столкновений в византийском обществе из-за обладания собственностью, из-за прав наследования, разводов и разделов имущества, приданого и предбрачного дара, законности завещаний, споров о залогах и аренде, о “справедливой” цене, об обращении с рабами, о статусе зависимых крестьян (париков), о законных правах сирот, брошенных мужьями жен и падших женщин и даже о соблюдении правил общественной гигиены.

Преимущества этих протоколов как источника подобны достоинствам личной переписки: они документально зафиксировали конфликты и факты, четко воспроизводя особенности византийского судопроизводства и даже “жанровые” картины повседневности и детали судебной рутины. Закономер-

²⁰ См. о нем: Weiss G. Höhe Richter in Konstantinopel. Eustathios Rhomaios und seine Kollegen // JÖB. 1973. Bd. 22; Zvoronos N. Les nouvelles... P. 154 (начало карьеры – последняя четверть X в., окончание – после 1025 г.); Бондач А.Г. Евстафий Ромей // Православная энциклопедия. Т. 13 (?). М., 2008, s.v. (вторая половина X – середина XI в.). Н. Икономидис датировал деятельность Евстафия концом X в. – 1040-ми годами (*Oikonomidès N. Fiscalité et exenption fiscale à Byzance (IXe–XIe s.)*. Athènes, 1996. P. 65). Середину 1040-х годов мы отстаиваем в качестве последнего этапа карьеры Евстафия на том факте, что он вершил суд над Романом Склиром – приближенным к Константину IX вельможей. См. подробно: Литаврин Г. Мария Склирена – фаворитка императора Константина IX Мономаха или вдова-монахиня? // Византия, Балканы, Европа. Исследования в честь на проф. Василка Тъпкова-Займова. София, 2006. (Studia Balcanica, 25). P. 158 сл.

²¹ *Oikonomidès N. The “Peira” of Eustathios Romaios: an Abortive Attempt to Innovate in Byzantine Law* // Fontes Minores, VII. Forschungen zur byzantinischen Rechtsgeschichte, [s.a.]. P. 183–190.

²² Πείρα – название, данное сборнику его издателем К. Цахариэ фон Лингенталем, основывавшимся на заглавии к пинаку (предпосланному памятнику оглавлению): Πίναξ βιβλίου παρὰ μὲν τινῶν ὀνομάζεται πείρα παρὰ δὲ τινῶν διδασκαλία ἐκ τῶν πράξεων τοῦ μεγάλου κυροῦ Εὐσταθίου τοῦ ῥωμαίου – “Оглавление книги, называемой некоторыми Пирой, а другими – учебным пособием, [составленной] на основе деяний великого господина Евстафия Ромея” (Practica. P. VII).

но поэтому все более частое в последние полвека обращение византинистов к материалам “Пиры”²³.

“Пира” насчитывает 75 титулов, включающих 276 статей (или параграфов). Примерно две трети статей представляют собой подборку цитат из законодательных сводов (преимущественно из “Василик”) или их пересказы, содержащие актуальные в ту эпоху правовые нормы или их изложение, часто – с кратким комментарием. Смысл этой подборки состоял, видимо, в том, чтобы предоставить судьям извлеченный из громоздких юридических кодексов удобный для пользования материал для обоснования судебных решений.

Сюжеты титулов охватывают буквально все аспекты гражданского права (и соответственно самые разные виды человеческой деятельности и отношений между людьми). Примерно до половины титулов касаются вопросов регулирования аграрных отношений. Среди них 46 статей излагают ход судебных процессов, обе стороны в которых или одну из них представляли “динаты”.

Одним из существенных (не всегда преодолимых) недостатков этого источника является нередко полное умолчание о том, кто трудился на землях, оказавшихся объектом тяжб динатов друг с другом или с фиском: наемные работники, арендаторы или парики. В поле зрения Евстафия они оказывались лишь в тех (редких) случаях, когда выступали в тяжбах в качестве активных правоспособных подданных империи. (Такие случаи будут приведены ниже.)

К числу недостатков памятника относится также тот факт, что большая часть судебных процессов не поддается точной датировке, а тяжущиеся знатные персоны – уверенной идентификации с известными историческими деятелями. Приходится довольствоваться примерной датировкой в рамках одного–трех десятилетий, а для тяжущихся – лишь их социальным или служебным статусом.

Мы намерены – в качестве предварительной попытки – рассмотреть здесь на основе некоторых данных “Пиры” вопрос о способах претворения в жизнь указов императоров Македонской династии и о связанных с этим

²³ *Mátση Ν.Π.* Κριτικά παρατηρήσεις εις τὴν Πείραν Εὐσταθίου τοῦ Ῥωμαίου. Συμβολὴ πρώτη // ΕΕΒΣ. 1959. Τ. ΚΘ'; *Idem.* Κριτικά παρατηρήσεις... Συμβολὴ δεύτερα. Αθήναι, 1963; *Weiss G.* Höhe Richter...; *Vryonis Sp.Jr.* The Peira for the History of Byzantine Aristocratic Society in the First Half of the Eleventh Century // Near Numismatics, Iconography and History. Studies in Honor of George C. Miles. Beirut, 1974; *Perentidis St.* Trois notes sur la tradition de la Peira // Ελετηρίς του Κέντρου ερεῦνης του βυζαντινοῦ δικαίου της Ακαδημίας Αθηνών. Τ. 27–28. Εν Αθήναις, 1980–1981; *Οικονομιδης Ν.* Ἡ Πείρα περὶ παροίκων // Αφιέρωμα στὸν Νίκο Ζβόρώνο. Τ. 1. Ρεθυμνο, 1986; *Οικονομιδης Ν.* The “Peira” of Eustathios Romaios...; *Литаврин Г.Г.* Два судебных решения константинопольского судьи Евстафия Ромея (середина XI в.) // Dedicatio. Сб. к 75-летию проф. М.Д. Лордкипанидзе. Тбилиси, 2000; *Он же.* Евстафий Ромей о фрагменте налоговой описи (Из комментария к податным уставам) // АДСВ. 2002. Вып. 33: Маргарите Поляковской коллеги, друзья, ученики; *Λαϊού Α.* Η διαμόρφωση της τιμής της γης στο Βυζάντιο // Byzantium State and Society. In Memory of Nikos Oikonomides. Athenes, 2003. Ρ. 339–348; *Idem.* Οικονομικά ζητήματα στην “Πείρα” του Ευσταθίου Ῥωμαίου // The Empire in Crisis (?). Byzantium in the 11th Century (1025–1081). Athenes, 2003; *Литаврин Г.Г.* Социальные мотивы в деятельности Евстафия Ромея // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XXX. СПб., 2007.

правовых и социальных коллизиях в византийской деревне и в кругах знати в первой половине XI столетия. Не все эти нюансы отчетливо обозначены при изложении как причин и хода тяжб, так и самих приговоров: неизбежны допускаемые нами иногда предположения, без которых весьма лапидарные тексты нередко не поддаются уяснению²⁴.

Недостаток этого памятника как источника состоит также и в том, что он дошел в единственной плохо сохранившейся рукописи. В ней потеряны целые разделы, есть “разбросанные” по другим разделам лакуны, в тексте немало ошибок писцов. Это обстоятельство и было одной из причин, по которой ученые долго обходили данный источник стороной: никто не хотел подвергать свою репутацию испытанию, ибо протоколы суда часто неуяснимы без догадок, которые неизбежно рискованны.

Среди протоколов, рассмотренных Евстафием, и интересующих нас тяжб между династами преобладают процессы церковных иерархов и монахов против таких же по социальному статусу собственников или против светских крупных землевладельцев. Примечательно, что сами духовные иерархи усвоили терминологию императорских новелл и называли себя на судебном процессе “династами”²⁵ (вопреки тому, что в обиходе обитателей императорского дворца и правительственных канцелярий, а также в обществе этот термин приобрел тогда отрицательный оттенок, обозначая лиц, достигавших высокого положения и богатства через нарушение законов и правил христианской морали).

Характерна и другая деталь – белое духовенство и монастыри выступали в процессах со светскими сановниками по преимуществу как истцы (включенные в “Пиру” тяжбы возникали в основном в результате апелляций лиц, недовольных решениями фемных, т.е. провинциальных, судей). Духовенство империи предстает в “Пире” (и это нам показалось неожиданным для такой средневековой православной державы, как Византия) в качестве менее защищенной стороны в столкновениях со светскими магнатами и фемными чиновниками²⁶. Поэтому оно чаще прибегало к заступничеству центральной власти, в частности – к высшему апелляционному суду. Остановимся на нескольких таких процессах.

Митрополит Клавдиуполя много лет назад отдал одной из знатных персон – патрикию Евсевию – имение монастыря Влахнас в деревне (условия не указаны, но ясно, что отдал он имение только в пользование – не в собственность и что обитель была митрополичьей)²⁷. Затем, когда протекло много

²⁴ Издатель “Пир” (Цахариз фон Лингенталь) неоднократно отмечает в примечаниях к тексту лакуны или явные искажения в издаваемой им единственной рукописи. См. об этом: *Zvoronos N. Les nouvelles...* P. 221. Кроме того, текст сборника дошел, как это следует из сохранившегося пинака, не полностью. Так, потеряны титулы 3 “О том, как устроятся и наследуются монахи” и 4 “Об ответственности начальствующих, если виновным оказался неимущий (апор)”. (Важно было бы знать, какой закон во втором сюжете имелся в виду и как его толковал Евстафий.)

²⁵ *Practica*. XV. 10. P. 46.

²⁶ Впечатляющие свидетельства на этот счет для рубежа XI–XII вв. содержат письма Феофилакта Охридского (см.: *Литаврин Г.Г.* Феофилакт Охридский (Болгарский) и пастырский долг // Великий Новгород и средневековая Русь: Сб. ст. К 80-летию В.Л. Янина. М., 2009).

²⁷ *Practica*. XV. 10. P. 45–47. Ср. сокращенный протокол этого же процесса: IX. Ст. 9. С. 30; ср. также: XIX. 16. P. 71.

лет, примерно в двадцатилетие между 1022–1045 гг.²⁸, митрополит вчинил Евсевию иск. Судья Евстафий, сочтя прошедшие со времени отдачи годы, вынес решение, чтобы митрополит забрал (у патрикия) свою собственность с компенсацией за стоимость плодов последних трех лет и за ежегодный налог, сколько его накопилось за время, в течение которого монахи (или люди Евсевия ?) не платили за имение в казну. Но при возвращении имения возникли трудности: место давно запустело, земледельцев здесь осталось мало и стерлись границы (между собственными землями Евсевия и землями монастыря Влахнас). Евстафий повелел: если митрополия может через письменные или неписьменные доказательства отграничить (установив между) собственное имение, пусть его и имеет. А если митрополия не сможет (установить границу), то необходимо все “идиостатное” (внесенное в податную ведомость как особый, самостоятельный налоговый объект) имение митрополии подвергнуть ревизии и заново описать границей в согласии с письменными или неписьменными свидетельствами, поскольку Евстафий отверг предъявленный митрополией старый “практик” (официальную опись имения), так как он не имел подписи и печати судьи.

Все остальные земли в деревне Реакиев (включая, разумеется, присвоенное патрикием Евсевию имение монастыря) подлежали размежеванию в соответствии с прежними (требующими восстановления) границами. В процессе этих разысканий люди митрополии возражали судье: смотри, говорили они, – под этим “тяглом” (στῆχος – букв. “строкой” записи этого тягла в налоговой ведомости) записано “уплатил Даниил игумен, и ты [верно] заключаешь, что тягло наше”. Но и за другое тягло плательщиком был Даниил, “почему же ты не обозначаешь его как монастырское?”. Евстафий ответил, что в деревне много Даниилов, и «если вам дать волю забирать себе каждое тягло под именем “Даниил”, то за пределами [ваших] владений ничего не останется²⁹... Ведь когда составлялся налоговый список, – продолжал он, – и делавшие опись проявляли в работе тщание, чтобы [случаем] {не} записать (ἐγγράψωσιν) в плательщики динатов (иначе говоря, тем самым признав их собственниками. – Г.Л.) для времени, когда уже действовали новые законы³⁰, то если бы они нашли второго Даниила, подлинно игумена, обязательно приписали бы “игумен”, и тогда помета свидетельствовала бы, что тягло монас-

²⁸ При датировке мы опираемся на сообщение в протоколе о том, что в конце своего правления Василий II предоставил крестьянам 100-мильной округи Константинополя (с времен Рима именуемых “политами” – πολιται) те же льготы, которые (в спорах с динаатами) защищали всех прочих общинников империи (Practica. LI. 9. P. 213). Ранее этих льгот политы были лишены, ибо по древней традиции считались юридически “горожанами” столицы. “Политами” сам Евстафий зовет их также по традиции. Клавдиуполь в феме Букелларии расположен вне 100-мильной округи столицы, но, как видно, монастырь Влахнас или его имение в эту округу входили. Указ был, вероятно, вызван тем, что наступление динаатов на пригородные деревни отразилось отрицательно на ценах столичного рынка.

²⁹ В высказываниях Евстафия в ходе заседаний суда и в его решениях нередко сквозят ирония и добродушный юмор (как и в данном месте).

³⁰ Т.е. уже для времени правления Романа I и Константина VII Багрянородного, когда начало действовать “антидинатское” законодательство и динаатам было запрещено (даже в роли законных налогоплательщиков деревни) внедряться в сельские общины. Издатель вставляет в этом месте перед ἐγγράψωσιν отрицание μή, что, на наш взгляд, соответствует логике пассажа.

тырское. Поскольку же слова “игумен” здесь нет, это доказывает, что тягло крестьянское, и я не могу признать его монастырским». Действительно, «когда мной (παρ' ἐμοῦ) по его (Евстафия) повелению (προτάξει αὐτοῦ)³¹ были исследованы старые податные описи – вплоть до правления Льва VI Мудрого, – обнаружилось, что пять ныне запустевших хозяйств имели плательщиками налога Даниилы и только к имени одного из этих хозяйств написано “игумен”». Итак, на этом основании Евстафий постановил, чтобы от деревенской округи была для митрополии отделена земля, соответствующая величине налогов с нее³², и отверг ее притязания на большее. Митрополия, однако, не сдавалась. Лица, представлявшие в суде ее интересы, заявили Евстафию: “Тяжущийся против нас (патрикий Евсевий) также является динатом, почему же ты оставляешь ему всю прочую землю деревни и не передаешь им [только ?] их собственную ?”. И Евстафий возразил: “Что же касается прочих покинутых крестьянских хозяйств, то даже если один младенец (νήπιον μόνον) из жителей сельской округи останется в деревне в качестве наследника, то ему перед всеми динатами предоставляется право предпочтения на приобретение исчезнувших хозяйств всех поселян”³³.

Помимо пояснений, сделанных по ходу изложения тяжбы, позволим себе еще три ремарки. Во-первых, именно этот параграф прекрасно иллюстрирует показания императорских новелл о том, что динаты (таким был игумен Даниил) приобретали участки в недрах деревни-общины, рядом с хозяйствами свободных крестьян³⁴ (которые, кстати говоря, постепенно разорялись, как в данном случае, и деревня пустела). Во-вторых, из изложенного явствует, что при установлении в византийском (по крайней мере столичном апелляционном) суде прав собственности на землю судьи стремились к соблюдению закона: проверялись права тяжущихся сторон, поднимались и тщательно исследовались документы налогового ведомства (геникона), иногда вплоть до столетней давности (здесь до времени Льва VI). В-третьих, особо акцентированное бесспорное право предпочтения на земли деревни даже у поселянина-младенца можно расценить как косвенное свидетельство того, что число свободных состоятельных поселян в спорной деревне, в не столь отдаленной от Константинополя местности (фема Буккеларии), быстро таяло: почти треть земель деревни, о которой шла речь в тяжбе, уже представляла собой в сущности залежь, из-за которой и разгорелся спор³⁵.

Особый интерес представляет, по нашему мнению, тяжба между митрополией и гирокомией³⁶ (приютом для старцев – гирокомии относили обычно к

³¹ Мы не знаем, обращал ли внимание кто-нибудь из исследователей на это замечание, свидетельствующее о порядках ведения следствия в византийском суде: Евстафий отправлял иногда на место – в данном случае в Клавдиуполь – своих младших коллег-юристов для проверки показаний тяжущихся сторон. Один из этих его учеников (цитата приведена от 1-го лица) и участвовал в обработке протоколов суда и архива учителя, готовя материалы для “Пирь”.

³² Рекомендация соответствует предписанию Налогового устава Эшбернера-Дэльгера. (*Dölger F. Beiträge zur Finanzgeschichte des Byzantinischen Reiches. München, 1927. S. 116.36–43*). См. также: *Practica. XXXVII. 1. P. 162*.

³³ Ср.: *Vryonis Sp.Jr. The Peira... P. 282*.

³⁴ *Practica. XV. 10. P. 46*.

³⁵ *Oikonomidès N. Les listes... P. 66*.

³⁶ *Practica. XV. 12. P. 47*.

числу “богоугодных” заведений, пользующихся, как правило, разными льготами). Гирокомия святого Ильи отдала принадлежащие ей “места” (τόποις) (может быть, участки земли с сидящими на них париками) церкви в эмфитевсис, но через много лет (вероятно, уже по миновании 30-летия) заявила свои права, возбудив тяжбу и указав на то, что “места” были отданы с письменным указанием их границ. Евстафий допускал, что ответственными здесь могут быть те самые лица, которые отдали “места” (в эмфитевсис). Судья заявил при этом, что если прошло 30-летие со времени заключения договора, то он не может быть лишен силы. Даже в случае насильственного захвата митрополией чужого имущества она может одолеть на суде гирокомию из-за столь длительного владения “местами”³⁷. Причем факт письменного проведения границ не оправдывает иск гирокомии. Ответственны за все сами отдавшие (имение в эмфитексис) ее хозяева и их “наследники” (κληρονόμοι – имеются в виду преемники-распорядители, если гирокомия была не частной, а подведомственной секрету богоугодных заведений), и сроки давности в данном случае – не в пользу гирокомии. Понятие “благочестивые дома”, поясняет Евстафий, – это не всякий монастырь или гирокомия, но только принадлежащие императору и им основанные. Что же касается “благочестивых домов” частных лиц, то вплоть доныне нет закона о том, что и они имеют льготу от казны. Иск гирокомии не сразу попал к Евстафию – он был передан ему через “орфанотрофа” (Иоанна ?), и Евстафий попросил его припомнить, каков статус гирокомии Дом святого Ильи – императорская она или основана каким-либо из архонтов, т.е. не имеет льгот (гирокомия, скорее всего, надеялась на протекцию орфанотрофа).

Весьма соблазнительно усмотреть в “орфанотрофе” Иоанна Пафлагонца (описанный эпизод – не теоретический пример, а реальная тяжба). В таком случае ее можно было бы датировать временем между 1034–1041 гг., когда орфанотроф Иоанн, старший брат Михаила IV, имел огромную власть во дворце, а Евстафий в то же самое время имел туда свободный доступ.

Скорее всего, взятые в эмфитевсис (на весьма длительный срок) у гирокомии “места” были розданы церковью своим парикам. Заключение договора могло иметь место ок. 1005–1010 гг., в правление Василия II, когда был особенно строгим надзор властей, чтобы к динатам никоим образом не попадала крестьянская земля (даже через аренду). Здесь, однако, сделка не подпадала под действие “антидинатских” новелл, так как речь шла о договоре между двумя динатами (гирокомией и церковью) о сохранявшем или утратившем силу перераспределении их законных недвижимостей. Хотя данный казус был, на взгляд Евстафия, не особенно остр (передача земли произошла от дината к динату), характерно, что и здесь судья строго соблюдал юридическую норму о “сроке давности”. Парики здесь, по нашему мнению, подразумеваются как наиболее ценная принадлежность поместья. Поселила их в имении церковь, и его доходность возросла. Поэтому гирокомия и старалась его вернуть, но, как видно, поздно спохватилась.

³⁷ Ср.: Practica. VIII. 5. P. 22: и недобросовестно захваченное у церкви имущество даже светским лицом может стать собственностью захватчика (или его законных наследников), если протест церкви не был заявлен в течение срока лет.

Подробный разбор трех судебных процессов, состоявшихся между крупнейшим сановником середины XI в. Романом Склиром, фаворитом императора Константина IX Мономаха (примерно 1040-е годы), правнуком (?) знаменитого мятежника против Василия II Варды Склира, и его париками, изложим конспективно, поскольку эти казусы рассмотрены нами в недавней статье³⁸. Самое главное в этих процессах состоит в том, что там представлены крайне редко встречающиеся в византийских источниках свидетельства о письменном договоре париков со своим господином и о привлечении его ими к суду за грубое насилие над ними, произвольное перераспределение не только земельных участков (явно после 30-летнего их держания парическими семьями), но и тяглого скота (а возможно, и важнейших орудий крестьянского труда) и за нарушение письменного соглашения о компенсации убытков париков. Налицо было полное пренебрежение “парическим правом”. Между тем даже в правление Василия II “парическое право” соблюдалось их господами (и довольно строго). Евстафий привел на этот счет следующее сообщение: он слышал сам от человека передавшего заявление Василия II, что император часто перемещал своих париков (τοῦτο δὲ ἔλεγε ἐν ἀκούσας καὶ τοῦ μακαρίτου βασιλέως κυροῦ Βασιλείου τοὺς ἰδίους παροίκους πικρῶς ἀλοκινεῖν³⁹). Суть этого заявления состояла в том, что согласно “парическому праву”, после 30-летнего непрерывного владения участком на земле господина парическая семья обретала квазивладельческие права и не могла быть изгнана с участка (из имения) или перемещена на новую парцеллу (вместе с подворьем или без него). Поэтому господа спешили осуществить задуманные планы реорганизации своего имения до наступления указанного срока, так как после законного во-времени перемещения парика отсчет контрольного срока начинался заново⁴⁰.

Возбудившие иск против их господина Романа Склира перед фемным судом парики в сущности проиграли. Фемный судья убедил париков отказаться от тяжбы, удовлетворившись обещанием Романа, зафиксированным специальным соглашением, возместить причиненный им ущерб; Роман, однако, нарушил договор, на который парики и пошли только под давлением судьи (τοῦ κριτοῦ βιασαμένου αὐτούς), следствием чего и было обращение париков в апелляционный столичный суд⁴¹.

Но и в столице некоторые из подчиненных Евстафию судей предпринимали попытки смягчить вину Романа или даже избавить его от наказания⁴². Отметим ради объективности, что и в поведении самого Евстафия в данном случае чувствовались также известные колебания. При совершенно очевидной, казалось бы, виновности Романа Евстафий на каком-то этапе расследования стал допускать возможность оговора париками своего господина, счел

³⁸ Литаврин Г.Г. Социальные мотивы в деятельности Евстафия Ромея. С. 169–183.

³⁹ Practica. XV. 2. P. 42.

⁴⁰ Таково мнение Н. Икономидиса, которое я разделяю (*Οικονομίδης Ν. Ἡ Πείρα περὶ παροίκων*. P. 233 sq.). Иначе (на наш взгляд, ошибочно) толкует это известие Г. Вайс; он полагает, что Василий II предупреждал, что “следует только по существенным основаниям прогонять собственных париков”. И эта позиция царя имела, по мысли Вайса, “огромное значение для сохранения париками их жизненных условий” (*Weiss G. Höhe Richter... S. 129*).

⁴¹ Practica. XLII. 18. P. 198–199.

⁴² Ibid. XLII. 18. P. 199.

необходимым приводить их к клятве⁴³. Он выразил сомнение и в масштабах понесенного париками ущерба от действий Романа и повелел судебным служителям тщательно расследовать имущественное положение париков на время нападения на них Романа, подсчитав все возможные виды их доходов (включая полученные по брачным контрактам)⁴⁴.

И все-таки примечательно, что высший апелляционный суд в лице Евстафия, в отличие от фемного суда, вынес решение в пользу париков: суд обязал господина вернуть отнятое у париков и возместить с процентами понесенный ими ущерб⁴⁵.

Остановимся еще на одном процессе между светским лицом и духовным учреждением. Некто взял у епископии (в аренду) имение, “не уплачивающее в казну капникон и синону”⁴⁶. Возвращая же его собственнику, арендатор подвергся осуждению (за неуплату налогов). Евстафий заявил, что если отдано (в аренду) имение, подлежащее уплате капникона (“подымного”) и синоны (натуральной подати – в основном зерном)⁴⁷, то с этим обязательством оно затем и вернется к епископии. А если даже имение до этого было освобождено (от синоны), то и тогда эпитроп (управляющий имением арендатора) был обязан платить капникон: ведь “имение отдано [в аренду] не для того, чтобы остаться совсем ненаселенным (ἀοίκητον)⁴⁸”. Взимание же синоны в данном случае не допускается (потому, что арендованное имение осталось не обработанным, т.е. не давало дохода), ибо место представляет собой, “по поговорке, один бурьян”⁴⁹. Тщетными оказались следовательно, как мы

⁴³ Возможно, не случайно протоколы суда по искам париков против Романа местами запутаны и невняты (если только эти недочеты – не следствие порчи рукописи) (Practica. XXIII. 7. P. 89–90; XLII. 18, 19. P. 198–199).

⁴⁴ Конечно, можно допустить, что рекомендуемые местному судье громоздкие подсчеты имущества поселян являются проявлением скорее теоретической верности букве закона, чем реально осуществимой мерой. Однако в судебной и фискальной практике империи были веками разработана бюрократическая техника определения размеров имущества подданных империи: так, безусловно налогоплательщиком крестьянином считался обладающий имуществом, оцениваемым не менее чем в 50 номисм, как и ремесленник с его мастерской; не меньшим состоянием должен был обладать и заслуживающий доверия свидетель (Practica. XXX. 2. С. 136; XXX. 15. С. 138). О детальных оценках имущества и подсчетах сумм налоговых обязательств свидетельствует, в частности, Практик 1073 г. (см.: *Πρακτικὸν παραδόσεως τοῦ πατριαρχικοῦ νοταρίου Ἀδάμ // ΒΥΖΑΝΤΙΝΑ ΕΓΓΡΑΦΑ ΤΗΣ ΜΟΝΗΣ ΠΑΤΜΟΥ. Β΄ – ΔΗΜΟΣΙΩΝ ΛΕΙΤΟΥΡΓΩΝ. Διπλωματικὴ ἐκδοσις ὑπὸ Μαρίας Νυσταζοπούλου-Πελεκιδού. Ἀθήνα, 1980. Σ. 720).*

⁴⁵ Practica. XLII. 18, 19. P. 199.

⁴⁶ Ibid. XVIII. 2. P. 65–66. Впрочем, см.: XV. 7. P. 44: сдавая свою недвижимость в эмфитевсис, собственник мог – по неясным мотивам – сохранять за собой обязанность самому платить государственный налог.

⁴⁷ Данное место – одно из редких для этого времени (хотя бы отчасти поясненных) упоминаний о синоне. Ср.: *Литаврин Г.Г.* К вопросу о значении налога натурой в Византии в X в. // Сборник статей в честь В.В. Кучмы. Армавир, 2008. С. 62–70.

⁴⁸ Ср. далее: XVIII. 2. P. 66: ἐργαζόμενον.

⁴⁹ Так (волью) переводим *καλαμὸν* (букв. “камыш”, “тростник”), так как здесь это явно символ бесплодия. Впрочем, у Кекавмена это слово означает какие-то насаждения (плодово-ягодные кустарники?), дающие, наряду с фруктовыми деревьями, какой-то доход без особых трудовых затрат. См.: Кекавмен. Советы и рассказы. Поучение византийского полководца XI века. / Подготовка текста, введение и пер. с греч. Г.Г. Литаврина. Изд. 2-е перераб., доп. СПб., 2003. С. 204.26. Примеч. 410 на с. 442).

это понимаем, надежды епископии на “улучшение” (посредством аренды) имения, “чтобы, будучи восстановленным [в его плодородии ?], оно хотя бы отчасти [стало полезным] своему (οἰκεῖν) [собственнику ?]”⁵⁰.

Арендатор, как видно, внезапно умер, а эпитроп (опекун малолетнего наследника ?) решил избавиться от ставшего (из-за налогов) обременительным незавидного участка земли. Но он успел задолжать казне: капникон он должен был платить сразу, так как эту подворную (букв. “подымную”) подать в размере 0,5 номисмы платили в то время даже неимущие, а взятое в аренду имение уже считалась “населенным”. Не подлежала взысканию лишь синона.

Веда ожесточенную борьбу друг с другом, динааты овладевали не только крестьянской землей, но бесцеремонно захватывали недвижимую собственность у своих “менее сильных” соседей. Об этом свидетельствует, например, статья “Пиры”, повествующая об обстоятельствах уничтожения крупного виноградника. Захватив его силой, динаат (лицо, как явствует из изложения хода дела, весьма значительное) выкорчевал его, преследуя собственные хозяйственные планы. По суду, однако, он был принужден вернуть истцу не только землю, занятую некогда виноградником, но и штраф “за умаление” ценности недвижимости (загубленный виноградник был оценен в 126 номисм) и вдобавок – проценты с названной суммы (которая рассматривалась как бы предоставленной истцом ответчику в долг)⁵¹.

Остановимся теперь на чрезвычайно интересном казусе, касающемся особых обстоятельств при взыскании с динаата телоса и (как далее становится ясным) “описфотелии трех лет”. В данном случае динааты стремились не к овладению новыми недвижимостями, а к избавлению от некоторых старых.

Дважды возбуждалась тяжба между митрополией Эфеса и монастырем Камбсов (τὸν καμψῶν). Приговор первого суда, вынесенный фемным судьей, был сделан в пользу монастыря, но митрополия его опротестовала⁵². Тяжба была возобновлена – теперь уже перед высшим апелляционным судом. Она названа “особой” (αὐτοτελής). Митрополия (теперь она выступала истцом) отказалась платить (во исполнение приговора фемного судьи) “описфотелию трех лет” (т.е. налог в казну за последние три года), так как фиск начислил ее на митрополию “несправедливо”: собственником земли являлась будто бы на самом деле не митрополия, а монастырь. Апелляционный суд решил, что митрополия уплатит монастырю (необходимую для погашения налоговой недоимки сумму), если не приведет достаточных доказательств⁵³ того, что место принадлежит не ей, а монастырю. Но митрополия и не доказала этого, и не уплатила. Поэтому она должна была теперь – по новому решению суда – в срок, не превышающий 30 дней, представить епархиальному (фемному) судье документ о длительности собственного владения этим местом.

⁵⁰ Practica. XVIII. 2. P. 65–66. См. прим. издателя (N 3): параграф в рукописи обрывается на пострадавшей незаконченной фразе (нет сказуемого).

⁵¹ Ibid. XVIII. 6. P. 66–67.

⁵² Ibid. LVIII. 5. P 262–263; ср.: Ibid. XXXVI. 24. P. 162 (кратко о том же процессе).

⁵³ Осужден истец может быть уже потому, что обязанный подкрепить обвинение доказательствами не смог сделать этого (Practica. XXIII. Ст. 5: “Ведь если истец, – говорит закон, – не доказал, то побеждает ответчик, хотя бы сам ничего не доказывал”. Ср.: LXIX. 5. P. 236). См. об этом: Basilicorum libri LX. Т. III. Lipsiae, 1840. XXII. 3. 23: αἰεὶ γὰρ ὁ ἐνάγων βαρεῖται ταῖς ἀποδείξεις.

Смысл требования состоял, скорее всего, в том, что если прошло 30 лет (или 40, если, как здесь, речь шла о собственности духового учреждения) с тех пор как место считается находящимся в пользовании митрополии, то она и является его бесспорным собственником. В таком случае уже с этих пор она и должна была платить телос (главный налог), не избегая уплаты и не затягивая время. Предоставленный же ей 30-дневный срок она может использовать для проверки правильности начисляемых на нее сумм⁵⁴.

Случай весьма редкий. Видимо, место было мало привлекательным, давно заброшенным, но налоги с него в казну не были сняты и их общая сумма (включая проценты) стала слишком велика. Обладание этим местом обернулось убытком. Обе стороны всполошились, возможно, еще и потому, что узнали о намечавшейся налоговой ревизии.

Возможно, на первых порах, во второй половине IX – первой половине X в., именно духовенство (церковь и монастыри) по большей части преуспели в стяжательской деятельности, опередив в этом отношении основные круги светской знати и вызывая ее жгучую зависть. Евстафий, однако, старается быть при разборах тяжб между династами любого социального статуса предельно объективным, хотя в полном согласии с официальной в то время политикой высшей власти откровенно благоволил крестьянам и малоимущим вообще⁵⁵. Так, имея в виду новеллу Василия II⁵⁶, Евстафий (или его коллега) сослался с кратким комментарием на закон о том, что династ не имеет права неписьменно свидетельствовать против бедного⁵⁷. В качестве примера приведен изложенный ниже рассказ об одной из тяжб, разобранных Евстафием, когда он занимал должность друнгария⁵⁸.

Монахи-“неастцы” (подвизающиеся в митрополичьем монастыре Комы Неаста τῶν ὑὰρ νεαστῶν τῆς νεαστοῦ κώμης)⁵⁹ владели “местом” (τόλον) в деревне Кома Гордия (ἐν τῇ χωρίῳ τῆς γορδίου κώμης) в течение 122 лет (примерно начиная с 918 г., т.е. за 10 лет до голода 927/928 г. и до первых “антидинастских” новелл). Так как затем митрополит Фагица передал (παραδέδοκός) (далее – “продал”, что, видимо, верно, судя по дальнейшему) его селянам (общине?) деревни Кома Гордия, монахи (неастцы) вскоре (μετὰ μικρόν, но ясно – уже после смерти митрополита) возбудили иск, утверждая, что Фагица продал имение селянам без пастбищ и монастырских хорафиев в деревне Кома Гордия (хорафии, как мы думаем, – это пахотные поля, а “место” – все имение монастыря).

Друнгарий Евстафий присудил, чтобы была обозначена границами деревня и чтобы всем остальным (ἐνελελλημμένα или “заброшенным”?) в ней владели также хориты (значит, суд признал, что они законно купили “место”, вопреки заявлению монахов, что ливады и хорафии не продавались, а оста-

⁵⁴ Ср.: Practica. XV. 10. P. 46–47; XXIII. 3. P. 86–87.

⁵⁵ Кратких ремарок в “Пире” о приговорах Евстафия в пользу крестьян (притесняемых династами) не мало. См., например: VII. 12. P. 18–19; VIII. 1. P. 21; IX. 2. P. 29; XL. 12. P. 186 etc.

⁵⁶ Zvonos N. Les nouvelles... P. 204.66–70.

⁵⁷ Эта же норма права приведена (без комментария, со ссылкой на новеллу, без упоминания имени императора) в “Пире” еще раз (см.: Practica. IX. 6. P. 30).

⁵⁸ Ibid. XXIII. 3. P. 86–87.

⁵⁹ См. примеч. 5 издателя: “Ἀν μοναχῶν τῆς νεαστοῦ μονῆς?”.

лись монастырскими). “Когда же я спросил⁶⁰ – почему долгий срок, а именно 122 года, истекшие со времени продажи, не содействует монахам для подтверждения их права господства над местом внутри деревни, если обладание им обнаружено непрерывным?”⁶¹. И Евстафий ответил, что в предъявленном монахами документе (τὸ ἔγγραφοῦν) не упомянуто о не проданных ими в границах деревни ливадах и хорафиях. И так как документ невыгоден монахам, они прибегают к неписьменным доказательствам, подчеркивая, что они не переставали долгое время владеть этими самыми местами (τοὺς τοιοῦτους τόλους). Однако новое законоположение (а именно новелла Василия II. – Г.Л.⁶²) не позволяет им, являющимися динатами, свидетельствовать против бедных неписьменно. Т.е. митрополия проиграла полностью: даже то, что она фактически имела в течение 122 лет и что, в силу факта длительности владения, должно было по закону принадлежать ей, Евстафий отнял у нее задним числом в пользу поселян деревни, сославшись на то, что митрополия является динатом и, как таковая, не имеет права приводить неписьменные свидетельства. К сожалению, о содержании τὸ ἔγγραφοῦν, о котором идет речь, можно только догадываться.

Не ясно, в частности, кто обрабатывал (и обрабатывал ли вообще) те “хорафии”, которыми 122 года владела митрополия и которые теперь окончательно признаны принадлежащими хоритам? Как митрополия эксплуатировала (и эксплуатировала ли вообще) “место” в деревне? С помощью арендаторов или мистиев (о париках думать трудно: не претендовали же хориты на владение парическими подворьями!). Скорее всего, хорафии (пахотные участки) пустовали, но и они, и особенно ливада, были необходимы хоритам как уголья, а в процессах, по словам Евстафия, “надо отдавать предпочтение хоритам, которые... не могут хозяйствовать, не имея пастбищ или вод, или гор”⁶³.

Разбирая тяжбы динатов, Евстафий счел необходимым специально оговорить, защищая прежде всего интересы (царской?) казны, особенности происхождения и статуса государственных и императорских владений и характер отношений казенных ведомств с теми собственниками, которые хотят приобрести казенные земли (иногда, с помощью взяток чиновникам, т.е. недобросовестным образом). Говоря о случаях возвращения в казну незаконно захваченного у нее, судья разъясняет условия, которые должны при этом соблюдаться.

Приводя норму закона: “Покупающий у казны тотчас обретает безопасность, и [только] одно четырехлетие дается для возбуждения процесса против фиска, после же четырехлетия никто не имеет [права] на процесс”⁶⁴, Евстафий говорит, что закон имеет здесь в виду имущества василевса и августы, а именно имущества кураторий и епискеписисов, которые являются

⁶⁰ Новый случай упоминания об участии в процессе ученика Евстафия. Ср. примеч. 29.

⁶¹ См.: Practica. VIII. 5; VIII. 11; XV. 6: захвативший чужую частную землю становится через 30 лет, а церковную – через 40 лет непрерывного и неопротестованного владения ее законным собственником.

⁶² Ibid. XXIII. 3. P. 86–87. См.: Zvoronos N. Les nouvelles... P. 204.

⁶³ Ibid. XXIII. 3. P. 87 (7). Почти дословная цитата из новеллы Константина VII от 947 г. (см.: Zvoronos N. Les nouvelles... P. 102. 81–84).

⁶⁴ Practica. XXXVI. 2. P. 156.

частной собственностью василевса и продаются с его позволения, и никто не вправе возбуждать процесс против купившего или получившего дар, “но [пусть недовольный] возбуждает процесс против димосия (правительственных владений, зафиксированных в древних кадастрах⁶⁵); димосиями же являются, – поясняет он, – такие димосии⁶⁶, которые димосий имел и использовал издревле, прежде чем возникло царство; когда же царство образовалось, к нему (имуществу василевса и августы? – Г.Л.) добавились вообще и класмы и имущества от адорий⁶⁷. И привел он в качестве свидетелей [своего] толкования мнение древних юристов и старые законоположения... Впрочем, сказал он, когда продажа совершена секретиками (высшими чиновниками) с коварством и с нарушением права, [надо], конечно, возвратить проданное, и привел в доказательство законы, которые рассматривают случаи восстановления [прав димосия], а тут также и суждение, что не является законным положение о том, что не возбуждается никакого процесса против покупателя, но покупатель, подчеркнул он, получает (обратно) цену, которую он уплатил, от продавца или от истца (представителя казны?), если где-то, случаем, произошел некий подлог, [имевшей место] при продаже. Если же покупатель сделал некие улучшения в [возвращаемом в казну некогда им] купленном владении, то все получит от истца за все, а именно цену этих [улучшений], если он купил добросовестно. А если недобросовестно, то в случае, когда он не причинил имуществу вреда, не требует цену [за улучшения], а забирает одни материалы. Впрочем, истец получает свое (τὸ οἰκεῖον), тогда как [не признанный добросовестным] покупатель не имеет власти называть цену [своих дополнительных затрат] и удерживать у себя имение или вещь, даже если он сделал в них улучшения, превосходящие их цену”⁶⁸.

К мысли о правах казны Евстафий обращается не раз. Приведем еще одно из таких мест. При исках казны, говорит он, не действует закон о сроке давности, который прервал бы действие ее прав: она может востребовать принадлежащее ей хотя бы со времен Августа Кесаря⁶⁹. Вопреки продажности чиновников – “предателей интересов государства” – казна никогда не откажется от своих прав⁷⁰.

О чиновном произволе при отчуждении (продаже или дарении) казенных земель сказано как об обычном явлении и в налоговом уставе⁷¹. Об одном из любопытных случаев незаконного овладения динамом казенной собствен-

⁶⁵ Считаю свое толкование предварительным. Термин *δημόσιον* крайне многозначен. Здесь он употреблен самим Евстафием в мало употребимом значении (как совокупность земель государства, вошедших в его состав во времена республики?) – отсюда необычные для “Пир” плеоназмы во фразе, отмеченные уже издателем (см. примеч. 66). Весьма важно (при любом толковании пассажа), что Евстафий старается подтвердить некогда традиционное, но уже уходящее в прошлое различие между государственной и императорской казной (и другими видами имущества).

⁶⁶ Издатель (см. примеч. 1) справедливо замечает здесь: *abundat*.

⁶⁷ Участки, предоставляемые казной в качестве военнообязанных, но утратившие этот статус (старость, инвалидность, гибель) и возвращенные в казну (*Zvoronos N. Les nouvelles...* P. 145).

⁶⁸ *Practica*. XXXVI. 2. P. 155–156.

⁶⁹ *Zvoronos N. Les nouvelles...* P. 212.159; 213.194.

⁷⁰ *Ibid.* P. 212.102–104, 177–178; *Practica*. VIII. 10. P. 23; IX. 7. P. 30.

⁷¹ *Dölger F. Beiträge...* S. 121.14–22.

ностью рассказывается в “Пире”⁷². Патрикий Триакондафилл присоединил к своему имению участок бедняка, захватив его силой и ничего не уплатив за него. Затем он умер, а бедняк “пришел к василевсу по поводу цены, и отослал [его тот] к экзактору”⁷³. Когда тяжба была расследована, обнаружилась незаконность прав патрикия на упомянутое имение – оно оказалось казенным. И экзактор рассудил так: наше дело – судить о собственности, но в данном случае казне не подобает юрисдикция (судья имеет, кажется, в виду то обстоятельство, что нет оснований для иска бедняка против казны, так как не она лишила бедняка его участка). Однако бедняк был признан правомочным для возбуждения иска против имущества Триакондафилла (т.е. его наследников, а отнюдь не казны), “чтобы, если возможно, получить возмещение ущерба”⁷⁴.

Особенность самоуправства Триакондафилла сравнительно с производом Романа Склира состояла в том, что Склир не просто отнимал у *париков* землю (собственником которой был сам), а перераспределял ее между ними, не считаясь ни с какими официально признанными за ними правами. Патрикий же Триакондафилл присоединил захваченную у *свободного хорита* землю к своему имению, тоже ранее *отторгнутую им у казны*. Судя по тому, что бедняк просил не о возвращении земли, а об уплате ее цены, либо его бедность была относительной (потерянная земля не была для него единственным источником существования), либо она уже была так обустроена хозяевами имения, что бедняк не надеялся что-либо заплатить за улучшения на ней (в момент обращения к царю бедняк не знал, что имение Триакондафилла принадлежит на самом деле казне).

Впрочем, в данном случае действия Евстафия вряд ли можно определить как безусловно справедливые, даже если формально юридически он был прав. “Экзактор” высказался, конечно, за то, чтобы бедняк получил возмещение за свой ущерб, но только не за счет казны. Казне предоставлялась возможность не только вернуть когда-то потерянное ею, но и (во всяком случае вопреки справедливости) сохранить незаконно отнятый участок бедняка в составе возвращенного в казну имения. В отношении к бедняку казна выступила в сущности вместо дината-насильника в роли настоящего нового “дината”.

Подобного рода юридическое (надо признать – редкое для Евстафия) лукавство (или крючкотворство) он проявлял, по нашим наблюдениям, только там, где восстановление справедливости могло отрицательно отразиться на интересах самой казны. Ее интересы были для него высшим императивом. Весьма непреклонным, напротив, он был по отношению к динатам (в том числе к церкви и монастырям), которые сплошь и рядом при отстаивании своих интересов проявляли неразборчивость в средствах. Евстафий бескомпромиссно выявлял их незаконные маневры в ходе судебных процессов и без скидок на сан выносил приговор, предавал его гласности.

⁷² Practicaю XXXVI. 18. P. 160.

⁷³ Случай непосредственного контакта императора с просителями из простого народа известны, но здесь, скорее всего, метафорически указывается на Евстафия – он и был судьей высшего имперского суда (экзактором) (см. о термине: *Oikonomidès N. Les listes...* P. 325). Ср.: XV. 9. С. 45: Монахи Зографа с жалобой на своего харистикария “пришли к царю и были посланы к друнгарию” (Евстафию).

⁷⁴ Practica. XXXVI. 18. P. 160; см. об Евстафии: “когда он [еще] был экзактором” (Ibid. XLIV. 1. P. 207).

Когда Евстафий был только друнгарием (т.е. исполнял должность среднего ранга), он рассматривал иск некоего Еврета к митрополиту Анкиры. Еврет передал в пользование свое пастбище (ливаду) некоему арендатору на срок жизни, а тот отдал его митрополиту (видимо, перед смертью как “задушнину” – благочестивый дар церкви; в судебном процессе этот арендатор уже не участвовал⁷⁵). Еврет доказал суду право своей собственности на ливаду. Митрополит сумел, однако, заключить с Евретом письменное соглашение и сохранил право пользования ливадой. Не оставляя тем не менее помыслов о ее присвоении, митрополит сжег договор, потому что Еврет был указан в этом документе как законный собственник ливады. Еврет снова вчинил иск, и митрополит был осужден (катεδικάσθη): его поступок был признан судом недопустимым “коварством” (δόλος καὶ σαφής). Вид понесенного митрополитом наказания в протоколе, к сожалению, не назван⁷⁶.

Митрополия Анкиры занимала высокое место в церковной иерархии империи (ее считали одной из областей миссионерских подвигов апостолов)⁷⁷, тем более знаменательно, что приговор был обвинительным и что он был вынесен на суде в присутствии, как сказано в протоколе, самого императора⁷⁸. По всей вероятности, ливада как тучное орошаемое пастбище была значительной и составляла предмет особых помыслов митрополии, имевшей, видимо, немало скота.

Коллеги Евстафия включали в сборник и протоколы процессов, которые он вел против чиновного, в частности, судебного произвола в провинциях⁷⁹. Приведем один из таких вопиющих случаев. Диикит (служитель фиска, которому был подотчетен диикисис – один из налоговых округов фемы) послал (подчиненных ему стражников), заключил в оковы и бросил в тюрьму отнюдь не рядового налогоплательщика (его отец был титулованным лицом)⁸⁰; затем в пустынном месте он обваривал ему голову, вымогая 90 номисм. Когда об этом стало известно и был вчинен иск, Евстафий присудил садиста к штрафу в 50 номисм в пользу пострадавшего (“за превышение власти”) и в 90 номисм в пользу его отца (!) (“за оскорбление”, видимо, как носителя пожалованного царем титула!).

Уже неоднократно названный выше Роман Склир, который “прославился” насилиями не только над собственными крестьянами (см. об этом выше), но и над такими же соседними с ним по владениям магнатами и над предста-

⁷⁵ Согласно закону, добровольный дар даже в пользу духовного учреждения, сделанный с нарушением права собственности третьего лица, считался недействительным (см.: *Practica*. V. 10. P. 8).

⁷⁶ *Ibid.* VII. 6. P. 16–17.

⁷⁷ *Beck H.-G.* Kirche und theologische Literatur im Byzantinischen Reich. München, 1959. S. 162 f.

⁷⁸ *Practica*. VII. 6. P. 16: μετὰ τοῦ βασιλέως (имя не указано). Поскольку Евстафий исполнял тогда должность среднего класса (друнгарий), имеется в виду один из трех императоров: Василий II Болгаробойца (во второй половине царствования – 995–1025), Константин VIII (1025–1028) или Роман III Аргир (1028–1034).

⁷⁹ Евстафий порой иронизирует над некоторыми судьями, которые ведут следствие по принципу: “Сознайся, что ты мой должник, иначе будешь осужден” (*Practica*. XI. 1. P. 92). В другом месте он замечает: “Имеющий право протимесиса неодолим, какую бы взятку ни давали судье” (*Ibid.* II. 6. P. 6). Взятка судье упомянута здесь как ординарное явление.

⁸⁰ *Ibid.* LXI. 4. P. 265–266. Текст рукописи в данном месте сильно пострадал.

вителями белого и черного духовенства⁸¹, присвоил монастырское имение, введя суд в заблуждение ссылкой на то, что он будто бы взял его лишь в длительную аренду. Избил Склир и местного священника (предполагаю – за попытку увещевания самодура) и был приговорен Евстафием к штрафу в одну литру (72 номисмы)⁸².

Сообщает “Пира” и такой мало известный из других источников факт, как найм крупными магнатами управляющих своими имениями. Письменный договор на этот счет скреплялся также подписью поручителя (за нарушение договора нанявшимся поручитель платил неустойку). Евстафий оправдал лицо, покинувшее до срока службу управляющего имениями Василия Склира (возможно, отца Романа), освободил поручителя от уплаты недоимки и обязал Василия, отвергнув его иск, уплатить управляющему за время его служения. Характерна мотивировка решения судьи: договор незаконен, так как “без малого отнимал свободу” у нанявшегося⁸³.

Рассмотрев иск Марии Склирены к патрикию Панфирию по запутанному делу о монастыре, находившемся у Панфирия в хресисе (Мария выиграла процесс)⁸⁴, Г. Вайс заметил не без оснований, что хищническая экономическая экспансия магнатского рода Склиров простиралась даже на высшую знать столицы⁸⁵.

Протимесис относился к тем юридическим институтам, в защиту которого Евстафий, как правило, выступал особенно последовательно. О редком выражении этого права свидетельствует излагаемый ниже пример. Хотя он обозначен как чисто теоретический, он содержит смоделированные в качестве реальных детали, мало известные по другим источникам. Некто купил жилища, а затем был привлечен к суду соседом, имевшим право предпочтения и сознательно оставленным при продаже в неведении о ней. Однако ответчик пренебрег иском и даровал купленную недвижимость церкви. Магистр отменил дар, так как “для закона – ничто: ни дарение кому-либо подсудного [имущества], ни посвящение [его] Богу”. В таких случаях нарушивший закон всегда подвергался штрафу. В конце судебного решения имелась, однако, приписка, рекомендующая церкви уладить дело о протимесисе с истцом полюбовно, с помощью судьи⁸⁶. В данном случае участники процесса в защиту права предпочтения – горожане (незадачливый даритель в приведенном примере, конечно, динат, как и одариваемая им церковь и сам истец).

Сложнее другой теоретический случай, приведенный в “Пире” на тему о протимесисе. Там сказано: “Если я овладею какой-либо частью, принадлежащей церкви (κατάσχω ἐκκλησιαστικὸν μέρος τι), то обретаю собственность на это (δὲσπόζω) [только] через сорок лет. Если же все это было монастырским, то овладеть им (κτήσασθαι) не могу никогда. Не поможет мне никакой срок, ибо в законе ясно заявлено, что религиозное (монастырское. – Г.Л.) и

⁸¹ Подробнее об этом см.: *Литаврин Г.Г.* Социальных мотивы... С. 181–182.

⁸² *Practica*, XLII, 11. P. 197–198.

⁸³ *Practica*, LXV, 15. P. 378. Ср.: *Литаврин Г.Г.* Социальные мотивы... С. 181–182.

⁸⁴ См. подробно: *Литаврин Г.Г.* Мария Склирена... С. 153–164.

⁸⁵ *Uyoniis Sp.Jr. The Peira...* P. 282.

⁸⁶ *Practica*. V. 10. P. 7–8; XXXVI. 2. P. 156. См. также: *Ibid.* II. 2. P. 5, через 4 года после покупки класмы, прошедших без протеста с чьей-либо стороны, опротестовать покупку через суд невозможно.

священное не может стать собственностью (δεσπόζειν) по сроку давности [владения]”⁸⁷.

Указанный запрет относится, разумеется, к светским лицам. В законе, впрочем, предусматривались случаи, когда кто-нибудь старался овладеть (κατάσχεον) даже самой церковью. Право собственности такого лица не может быть признано никогда (οὐ δεσπόζει), поскольку у него – как у мирянина – нет права [церковного] надзора (ἐφορίας); оно имеется только у иереев. Если же епископ овладевает (κατάσχοι) церковью или монастырем другого епископа, то через 30 лет он обретает на это право собственности (δεσπόσει)⁸⁸, поскольку оно перешло от иерея к иерею, способному осуществлять над этим надзор. Справедливость такого рода казусов отступала, как видно, на второй план перед принципом сохранения объектов собственности и самих церковно-монастырских учреждений в отведенной для них – по имперскому таксису – системе имущественно-правовых и общественно-социальных отношений.

Таксис в этом случае был сохранен – все осталось в рамках того же условия. Подобные послабления (ради главного – соблюдения интересов словесных структур?) делались и при захватах (даже насильственных) земли хоритов у хоритов⁸⁹, а стратиотов у стратиотов⁹⁰. Трудно, однако, заключить, что, завладев частью церковного имущества и пользуясь им в течение 40 лет, светские лица (или их наследники) не могли считать захваченное безусловно принадлежащим им по закону. (Мешало этому, скорее всего, упомянутое право надзора, которым не обладали миряне?).

Создается впечатление, что в тех случаях, когда динаты в спорах друг с другом из-за несомненно принадлежащих одной из сторон владений переступали границы закона, эти факты не особенно беспокоили верховную власть. Так, например, некий динат, сосед монастыря “Нисиев” (τὼν νησιῶν) по владениям, расположенным в той же деревне Риакиев, вчинил иск монастырю, обвиняя его в том, что он имеет больше “местечек” (τόλια)⁹¹ сравнительно с “уплачиваемым монастырем димосием” (главным поземельным налогом) “в его деревне” (ἐν τῷ χωρίῳ αὐτοῦ)⁹². Иначе говоря, динат донес на монахов, надеясь, разумеется, увеличить собственные имения за их счет.

⁸⁷ Ibid. VIII. 5. P. 32. Ср., однако: VIII. 11; XV. 6 (примеч. 37 и 61): отчужденное, даже насильственно, церковное и монастырское имущество, не будучи востребовано по иску назад его законными владельцами, переходит законно через 30 или 40 лет в собственность его нового обладателя. Мы не видим возможности устранить это противоречие.

⁸⁸ Ibid. См.: *Iryonis Sp.Jr. The Peira...* P. 282.

⁸⁹ *Practica*. VIII. 1. P. 21.

⁹⁰ *Zvoronos N. Les nouvelles...* P. 118.19–119.23.

⁹¹ Термин означает в “Пире” “небольшой участок земли” (отсюда уменьшительный суффикс). Это, несомненно, участок крестьянина, свободного налогоплательщика (“хорита”) или поземельно зависимого (парика). Здесь, скорее всего, речь шла о парических держаниях: за право присвоения денежной ренты, с которых обитель и вела тяжбу со светским динатом-соседом (*Practica*. IX. 10. P. 30–31).

⁹² О том, что большая часть (2/3) деревни принадлежала, как видно, истцу и только 1/3 крестьянских стасей (хозяйств) – монастырю, мы заключаем из того факта, что монастырь в данном пассаже последовательно обозначен термином женского рода (μονή – ни разу как μοναστήριον). Следовательно, под местоимением αὐτοῦ (“его”) имеется в виду только светский магнат.

Монахи предъявили суду купчую и дарственные императорские хрисовулы, выданные до первой “антидинатской” новеллы Романа I Лакапина 928 г., а также копию искодика (выписку из официальной налоговой описи), в которой значилось: “Третья часть св. Захария, третья часть Малфы [принадлежат им]”. На этом основании монахи “требовали себе третью часть деревни и место казны (т.е. место Малфа?), которое было названо в искодике деревень (здесь мн.ч.) с налоговыми обязательствами в 3 номисмы 16 милиарисиев”⁹³. Суд признал третью часть деревни св. Захарий законно принадлежащей монастырю. Что-то в деревне монахи еще купили, и это “в течение законного срока не было оспорено” никем (χρόνου μὴ ἐλιζήτουμένου), имевшим (если бы такой нашелся) на покупку право предпочтения: право обители возникло давно (т.е. до голода 927/928), которое и предшественники (нынешних монахов) имели “на дарованное ей” (ἐπὶ τοῖς δωρηθείσιν αὐτῇ), хотя и не имели собственного димосия (своей графы в описи как независимого самостоятельного налогового объекта?), “как этого требует новое повеление правящего нашего василевса” (τοῦ κρατοῦντος ἡμῶν βασιλέως)⁹⁴.

Но поскольку и предшественники нынешних монахов довольствовались третью деревни, постольку и они “должны этим довольствоваться в ней и [следует еще] поискать, не владеет ли [монастырь] чем большим” (δεῖν ἀρκεῖσθαι ταύτην ἐν τούτῳ, καὶ ἐρευνῆθῆναι εἰ πλεῖονα δεσπόζει). На что-то монахи имели какие-то льготы по хрисовулам (может быть, солемний в 3 номисмы 16 милиарисиев с казенного места Малфа?). Монастырь, сказано под конец, “не был уличен как владеющий более, чем третью деревни, и истец (динат – сосед) был осужден” (κατεδικάσθη ὁ ἐνάγων)⁹⁵.

Таким образом, как будто законные претензии монастыря на 3 номисмы 16 милиарисиев по хрисовулу от дохода с места казны (Малфы?) (как солемний?) не были услышаны: монастырю оставили лишь то, чем он владел издревле (треть деревни св. Захарий). Что касается “большого” в их имуществе, то предлагается, кажется, “поискать” его через особый иск. Возможно, решило дело участие на процессе Василия II: в документации о налогах монастыря было отмечено невыполнение введенного императором правила. Но проиграл и сосед-доносчик (какое наказание он понес, к сожалению, неизвестно, но ясно, что и его надежды извлечь выгоду из своего доноса не увенчались успехом).

Интригует необычная форма раздела деревни между двумя собственниками – по периметру каждой части (2/3 и 1/3) деревенской ипотаги (территории), а не по размерам земли в модиях или по числу крестьянских стасей у

⁹³ Лаконизм текста вынуждает предполагать: во-первых, что Малфа – это “место казны”, часть которого была давно передана фиском монастырю (он ссылался на свои давние права на часть дохода с него), а частью – либо арендаторам, либо парикам (что вероятнее); во-вторых, названная сумма означает не весь доход монастыря, а только от “места казны”; в-третьих, совершенно необычно обозначение суммы (3 номисмы 16 милиарисиев). Аккуратнее сумму нужно было бы обозначить – 4 номисмы 4 милиарисия (в номисме 12 милиарисиев). Возможно, в искодике были указаны 2 парических стаси, одна из них давала доход в 3 номисмы, другая – в 16 милиарисиев. Эти цифры без изменений и были внесены в текст протокола.

⁹⁴ См.: Practica. IX. 9. P. 30.

⁹⁵ Practica. IX. 10. P. 30–31. См. примеч. 49.

каждой из сторон, как обычно. Монастырь, хотя и являлся самостоятельной льготной (πρωτόσιον) налоговой единицей, имел владения, которые, в силу их отмежевания от массива земли деревни Риакиев, имели общий коэффициент обложения с нею, но, став динатскими (монастырскими), они еще не считались окончательно идиостатными, так как не имели в налоговой ведомости отдельной для них графы.

* * *

Поскольку мы рассмотрели только часть протоколов судебных процессов, проведенных Евстафием по тяжбам с участием динатов, наши выводы могут быть определены только как предварительные. Характерно, что в большинстве из 14 приведенных выше казусов тяжущиеся стороны представляли разные пары (истца и ответчика) по их социальному, общественному и имущественному статусу. Так, в шести процессах динаты противостояли крестьянам, свободным и парикам (XV. 2; XXIII. 3; XXIII. 7; XXXVI. 18; XLII. 18; XLII. 19), в двух – церкви (VII. 6; XV. 10), в одном – монастырю (IX. 10), в трех – другим динатам (XVIII. 6; XXXVI. 2; LXI. 4); в двух случаях – тяжбы имели место между духовными учреждениями (XV. 12; LVIII. 5). Создается впечатление, что составители “Пиры” сознательно подобрали в качестве примеров комплекс процессов с разным составом их участников, чтобы дать представление о специфике (как о модели) каждого из них.

При этом в судебных протоколах о спорах динатов за землю работавшие на ней парики оставлены либо вообще “за кадром”, либо в еле различимой “тени”, хотя в действительности именно они почти во всех судебных разбирательствах о земле и представляли главную ценность всех спорных (как правило, доходных) имений. Парики юридически представляли в судебном процессе не субъектов, а только объекты споров, являясь лишь принадлежностью имений. В качестве главных субъектов права выступали динаты (истцы и ответчики). Только в тех тяжбах, когда роль юридически активных и правоспособных субъектов играли крестьяне (как, например, свободный крестьянин, обобранный Триакондафиллом, или парики Романа Склира), Евстафий уделял им не меньше вниманик, чем динатам.

До самого недавнего времени в науке обычно использовались свидетельства о том, что парики обладали по крайней мере двумя важными правами: они имели право уйти из имения господина, рассчитавшись с ним и захватив с собой движимое имущество, скот и материалы построек покидаемого подворья, и право наследственного владения парической семьи своим участком на земле господина, ее собственника, если семья владела участком и культивировала его непрерывно не менее 30 лет, систематически уплачивая господину ренту.

Только благодаря рассмотренным нами свидетельствам “Пиры” мы знаем теперь, что парики как юридически полноправные подданные императора заключали с господином земли, письменно или устно (в присутствии свидетелей?), договор о принимаемых ими на себя обязательствах по отношению к господину и одновременно об обязательствах господина в отношении к ним. Память о времени заключения договора сохранялась как в документах вотчинника, так и в подвластных ему парических семьях. Мы знаем теперь

и о том, что в случае нарушения договора господином парики имели право вчинить ему иск и, как видно из приведенных казусов, могли выиграть процесс. Мы знаем теперь, наконец, что официальные власти империи в правление императоров Македонской династии выступали в защиту от динатов не только свободных крестьян-общинников, собственников своих участков, но и париков (являющихся также налогоплательщиками казны).

Именно поэтому благоприятную позицию в отношении крестьян Евстафий неизменно проявляет всюду, где речь идет об охране их интересов. Эта позиция благоприятствования крестьянам со стороны высшего апелляционного столичного суда была прямым отражением политики центральной власти в период правления императоров Македонской династии. Именно в таких случаях в “Пире” неизменно имеются прямые ссылки на их новеллы, причем по преимуществу на новеллу Романа I от 928 г., еще свободную от некоторых впоследствии сделанных в угоду динатам уступок.

Более того, в ряде рассмотренных выше казусов Евстафий Ромей уклонялся от необходимости соблюдать букву официально действующего закона, прибегая к правотворчеству, к созданию в пользу крестьян правовых прецедентов. Порой складывается впечатление, что при столкновении интересов крестьян и динатов последние в глазах Евстафия были виновны заранее – уже только потому, что являлись динатами. Следует, однако, подчеркнуть, что доминирующей идеей, определяющей деятельность верховного судьи, пронизанную духом противостояния массивированному наступлению динатов на сельскую общину, был, по сути дела, не столько симпатия к земледельцу, сколько защита интересов государства (его казны, его таксиса, самих устоев императорской власти). Евстафия можно было бы определить по его политическим взглядам как “государственника”, убежденного к тому, что в его эпоху интересы крестьянства и империи совпадали и что и то, и другое находится под угрозой гибели из-за своекорыстных устремлений динатов.

Многочисленные свидетельства “Пир” о предпринимаемых Евстафием усилиях по защите прав частной собственности подданных империи из всех социальных слоев сопровождаются, как правило (помимо выступлений в защиту интересов крестьянства, добавим, и казны), проявлением его особого внимания к четырем правовым институтам: 1. Прежде всего – к документам и фактам, утверждающим законность права собственности тяжущихся сторон на спорное недвижимое имущество (преимущественно на землю). 2. К законности претензий истца на право протимесиса (предпочтения на приобретение или получение в пользование отчуждаемой недвижимности). 3. К описфотелии – обязанности нового собственника (или пользователя) при овладении заброшенной землей уплатить за нее задним числом казенные налоги за три года⁹⁶. 4. К зафиксированным документально срокам давности, оправдывающим притязания той или другой из тяжущихся сторон на собственность или пользование спорным недвижимым имуществом.

Судебная карьера Евстафия пришлась на период, когда произошел резкий поворот от последовательной борьбы с наступлением динатов на мелкое крестьянское землевладение (в правление Василия II) к отказу от этой

---

⁹⁶ *Литаврин Г.Г.* ΟΠΙΣΘΟΤΕΛΕΙΣ (К вопросу о наделении крестьян землей в Византии X–XI вв.) // *Литаврин Г.Г.* Византия и славяне. СПб., 1999. С. 38–47.

борьбы в последующее двадцатилетие, в правление его ближайших преемников-эпигонов. Сколь ни косвенны данные “Пиры” о неповиновении динатов в провинциях (включая чиновный люд и самих судей), они дают право на утверждение, что императоры-“македонцы” проиграли битву с динатами. Отступлением от жестких методов борьбы с динатами отмечена уже позиция Василия II. К сожалению, отсутствие отчетливых данных для относительно точной датировки приведенных в “Пире” протоколов не позволяет проследить вероятную динамику в характере процессов и в позиции самого Евстафия. Несомненно одно: наступление динатов на крестьянское землевладение за весь указанный период не только не ослабело, а оказалось неодолимым для центральной власти. От политики защиты крестьян от динатов она перешла к соперничеству с ними за овладение землями свободного общинного крестьянства. В позиции Евстафия и его ближайшего окружения этот поворот еще не нашел отражения, если только в качестве своеобразной реакции на него не рассматривать само составление “Пиры”⁹⁷, осуществленное в царствование Константина IX Мономаха, который проматывал казну империи на глазах у Евстафия.

---

⁹⁷ Схолии на рукописях законодательных сборников со ссылками на “Пиру” делались уже в середине XI в., т.е. сразу же после ее составления (*Zvoronos N. Les nouvelles...* P. 222). Часть схолий сделана самим Евстафием (*Perentidis St. Trois notes...* P. 635–661).